

Екатерина Митрофанова

Перламутровое небо Чугунки

Всё в Иде Эдуардовне, молодой учительнице по русскому языку, было некрасивым и каким-то чрезмерным: слишком близко посаженные глаза, громадный, как у кита, рот и сильно вытянутое одутловатое лицо. Светлые волосы Ида Эдуардовна старательно собирала и прятала в тугий пучок, от чего голова её казалось лысой. Огромные глаза наполнялись то укором, то радостью, то обидой, но при этом взгляд всегда оставался унылым и угрюмым, как вечность.

Даша сидела на последней парте, смотрела в окно и слушала учительницу. Маленькое белое солнышко, больше похожее на прилепленную к стене жвачку, грустно глядело на неё и как будто вздыхало. Высокие деревья дремали под толстыми шубами снега, а вдалеке дымило трёхголовое чудовище ТЭЦ. Тяжёлые головы-градирни темнели на фоне ослепительного белого снега. Слушая учительницу, Даша размышляла одновременно и о красоте, и о теме урока. Она вспоминала, как надрывались от смеха девчонки и гоготали мальчишки, когда Новицкий, воспользовавшись отсутствием учительницы, порывшись в маленьком выдвижном ящике учительского стола, нашёл там листок с посвящённым Иде Эдуардовне стихотворением. Новицкий читал его всему классу громогласно, пытаясь изобразить влюблённого физрука, жестикулируя, как плохой актёр, играющий Ромео в сельском клубе. В том, что стихотворение написал физрук Аркадий Савельевич, восьмой «бэ» не сомневался. Подозрительно часто он захаживал в кабинет русского языка и литературы, слишком много радости появлялась в угрюмых глазах Иды Эдуардовны при виде него.

Вместе с влюблёнными в Дашином воображении рисовались гордые и важные сеньоры – деепричастия. Они, насупив брови, обиженные на всех, строили вокруг себя крепкие заборы запятых. Кто-то, не выдержав гордого одиночества, сговаривался со словами – рыцарями, объединялся с ними в загадочные деепричастные обороты и брезгливо отгораживался от непосвящённых зубастыми баррикадами – запятыми.

Дверь открылась, и Даша заметила, как блеснули в усталых глазах Иды Эдуардовны искорки радости. Ей даже на мгновение показалось, будто бы русичка вдруг преобразилась, стала неузнаваемо красивой. «И что в ней нашёл Аркадий Савельевич? – оценивающе смотря на училку, с завистью думала Даша. – Может быть, женщины, которым посвящали стихи великие поэты, в жизни не всегда были красотками? А то и такие же, как эта швабра – Гнида Эдуардовна». В проёме появилась рыжая мальчишечья голова и тут же исчезла, точно лягушачий язык, словивший комара. Учительница продолжила рассказывать про деепричастные обороты, а Даша с грустью заметила: «А ведь получается, что русичка красивее меня: мне ещё никто стихов не писал».

Даша потянулась к распухшей от тетрадей бордовой кожаной сумочке, которая, точно устав носить в себе такой груз, вымотавшись за школьный день, утомлённо привалилась к ножке парты. Девочка тянулась медленно, будто приклеившись взглядом к

учительнице. В её движении читался тот самый страх, какой испытывает человек оказавшись перед злым, оскалившим зубы бульдогом. Она так же медленно протягивала свою руку к сумочке, как и этот бедняга, боясь сделать резкое движение, тянулся бы к лежавшей на земле палке. Даша вытащила из маленького бокового карманчика новенький, недавно подаренный отцом на день рождения смарт и уткнулась в телефон, предусмотрительно поставив перед носом открытый учебник, чтоб не увидела училка.

– Ух! – вдруг вырвалось у Даши, когда она прочитала на странице Джойстика, самого красивого парня в школе, свежую запись: «После уроков репетируем в столовке». С точкой в конце, без ошибок – как она любила. Не то, что у всех остальных!

– Третья парта! – залаял бульдог, и Даша, вжавшись в стул, виновато уставилась на русичку.

Ида Эдуардовна, когда злилась, плотно сжимала и чуть вытягивала губы. Вот и сейчас она глядела на Дашу разъярёнными глазами, сложив губы в цветочек, точно хотела поцеловать, и напоминала хищное растение непентес, о котором им рассказывали на уроках биологии. Но кары не последовало. Учительница спокойно продолжила рассказывать о деепричастных оборотах, точно внезапно забыла о Дашином существовании, а школьница, радостная от появившейся вдруг возможности увидеть Джойстика, начала перебирать в голове варианты, как ей якобы случайно заглянуть в столовую. «Пирожки в такое время уже не продают... Да и денег все равно нет. И что же мне делать целых два часа: уроков-то у десятиклассников больше!» Девочку будто кипятком ошпарило – она вдруг вспомнила про рейтузы, которые мама заставила её надеть в школу. Именно сегодня! В тот самый день, когда появилась, наконец-то, возможность встретиться с Джойстиком! «Предстану перед ним, как лохушка – в шерстяных рейтузах, да еще и не покрашенная!» – разочарованно думала Даша, больно кусая от отчаянья губы. Она легонько толкнула локтем соседку по парте Светку, старательно разрисовывающую поля тетради.

– Чё там у тебя? – зашептала Светка, перевалившись тучным телом на Дашину половину парты, и чуть ли не ткнула большим носом экран смарта. Увидев в телефоне свежий пост, она все поняла и с затаённой улыбкой убралась на свое место.

– Свет, не знаешь, кто сегодня в столовке дежурит? – громким шепотом спросила расстроенная Даша, смотря в телефон – на аватарку Джойстика. Сколько раз она любовалась его лицом, рассматривая фотографии... Сколько раз в подробностях рисовала его в своей голове... А Джойстик... даже не знает о её существовании! Необходимо было срочно что-то с этим делать!

– Ефимова. А чё? – сгорая от любопытства, в голос ответила Светка и зачем-то, словно в классе несколько Ефимовых, уточнила:

– Ведьма которая.

Даша обернулась, чтобы взглянуть на одиноко сидевшую за последней партой Каринку Ефимову. Та сидела, настороженно озираясь по сторонам, точно опасалась чего-

то, и то и дело убирала длинные сальные пряди волос за оттопыренные уши. «Хоть бы помылась, замарашка!» – брезгливо подумала Даша.

Белое пятно солнца в большом окне будто бы увеличилось в размерах: засияло, засветило и, с любопытством поглядывая на Дашу, игриво подмигнуло своими лучиками. Даже дымящий вдалеке монстр теплоэлектростанции не казался ей теперь таким страшным, – чудовище, но доброе и обязательно пушистое.

«Ого, сколько комментариев!» – обрадовалась Даша, открыв в смартфоне на «Ютубе» свой канал. Это был видеоблог о книгах. Она вела его уже два с половиной года. Первые видео, снятые на телефон, набирали совсем немного просмотров – от силы пятнадцать-двадцать. Да и говорила юная блогерша поначалу зажатое, несвязно... Со временем девочка стала смелее, свободнее рассказывать о прочитанных ею детективах, фэнтези, приключенческих романах... Просмотров постепенно становилось всё больше, а количество подписчиков с каждым днем росло. Комментарии к роликам в основном писали взрослые. Они спрашивали у школьницы совета, благодарили за обзоры и просили прочитать-разобрать такие-то книги. Даше это было страшно приятно! Она с удовольствием отвечала всем.

– Желаящих посещать факультативные занятия жду после уроков в тридцать седьмом кабинете, – отчеканила угрюмая училка, постукивая по столу шариковой ручкой, и тут же, будто по её указанию, зазвенел, задребезжал звонок.

Он точно отменил все правила поведения и приличия в школе. Мишка заорал во всё горло «Свобода!», Копейкин и Зюзя деловито с размаху закинули рюкзаки на парту и начали не спеша складывать в них учебники и тетради. Васька зачем-то кинул карандашом в сидящую сзади толстуху Людку Васенину, а та в ответ мощно залепила ему пеналом по голове. Даже всегда послушная на уроках отличница Яна с первой парты, вскочила со своего места и быстренько засобиралась.

– Качанова, тебе говорят! После уроков – факультатив! – подражая строгому голосу учителя, громко прокричал вслед зубрилке Новицкий и самый первый выскочил из кабинета. Яна даже не успела посмотреть на обидчика как на клопа, как она обычно делала.

Даша тем временем торопливо складывала тетради в сумочку и запихивала учебник в истертый до мелких дырочек, плотный, и так до предела набитый книгами полиэтиленовый пакет. Она уже знала, где проведет свободное до репетиции Джойстика время, и торопилась, спешила к Ведьме, чтобы та наколдовала ей счастья, – разрешила сменить её сегодня на дежурстве в столовке.

В школьном коридоре было шумно, как на празднике. Восьмой «бэ» ждал начала урока и сидел кто около закрытой двери, кто на подоконнике, кто на рюкзаке, привалившись к стенке. Высокая, но всегда ссутуленная Каринка стояла у кабинета информатики, грызя

ноготь на мизинце правой руки, и исподлобья поглядывала на всех ненавидящим взглядом. В маленьких темно-карих глазах было что-то страшное, гипнотическое. За это в Каринку нередко кидали обидное «Ведьма» и всегда её сторонились.

Каринкино дистрофичное тело обтягивала чуть запачканная на рукавах блузка с рюшками, ниже мешком висели широкие старомодные джинсы. Это выглядело так, словно она одевалась с закрытыми глазами – брала то, что попадало под руку. «Сюда бы юбочку или брючки, – оценивающе поглядывая на неё, думала Даша. – Вырядилась тут, обезьяна ушастая!» Над Каринкиными нелепыми нарядами смеялся весь класс, даже учителя относились к ней с пренебрежением, хотя и старались этого не показывать. Учительница по математике однажды так прямо и сказала: «Тебе в класс ЗПР¹ надо идти». Каринка всегда ходила одна, – с ней никто не дружил, – плохо училась и часто прогуливала.

«Как загнанный в ловушку зверёк, – с некоторым презрением и одновременно жалостью смотрела на неё Даша, обдумывая вопрос о дежурстве. – Вроде жалко, а поднесёшь руку – укусит».

– От тебя рыбой воняет! – брезгливо морщась, возмутился Робозёров, прислонившийся к стене около Каринки. И отходя, толкнул её в бок. Та в ответ прошипела что-то невнятное, словно затравленная кошка, и яростно процарапала Робозёрова глазами.

– Треска! – будто ждала подходящего момента, чтобы обидеть Каринку, модница и самая большая задира в классе Сонька Миньдюкова.

Около кабинета, как по волшебству, появилась с зажатым под мышкой классным журналом учительница по информатике. У неё было красивое прозвище – Птичка. Оно появилось само собой, как только молодая Виктория Владимировна в прошлом году, знакомясь с классом, назвала свою Фамилию – Птичкина. Худая и прямая, как лом, Птичка открыла замок, и восьмой «бэ» повалил через дверной проем, словно речка, пробившая запруду.

Даша шла позади Соньки и слышала, как та сквозь зубы процедила Каринке:

– После урока получишь!

Ведьма не захотела ждать окончания урока, замахнулась и разом влепила тем, кто оказался поблизости. Миньдюкова заслуженно получила по голове, а ни в чем не виноватая Даша – по челюсти. Сонька заорала как резанная, но когда Птичка взяла её за плечико свитера и повела к парте, замолчала и, обиженная, недовольно начала вытаскивать из сумочки тетради.

Ребята рассаживались по своим местам, гремя партами и стульями. Даша, прижав рукой ушибленное место, огляделась по сторонам: Каринки уже не было. «А зверёк всё-таки укусил, – без злости философски заметила Даша. И в нахлынувшей вдруг панике подумала: – Как же я у неё про дежурство-то спрошу, если эта крыса с последнего урока свалила?»

¹ЗПР – задержка психического развития.

В кабинете информатики Даша сидела уже не со Светкой, а с дылдой Фоминым, который был вдобавок куряга, и разило от него сигаретным дымом на три парты вокруг.

Птичка была учительницей робкой и хрупкой, как картофельные чипсы, но по какому-то своему убеждению считала, что девочка должна обязательно сидеть с мальчиком. А так как мальчиков на всех не хватало, то несчастные ученицы должны были находиться отдельно друг от друга, – каждая за своей партой, как монахини в кельях. Как с Птичкой ни воевал восьмой «бэ», садиться так, как рассадила класнуха или – еще лучше – где захочется, не получалось. У мягкой легкоранимой учительницы можно было выпросить что угодно: и уйти пораньше с урока, и даже воспользоваться учебником на контрольной! Но когда дело касалось рассадки учащихся, Птичка вдруг становилась непробиваемой, как корпус космического корабля, и с виноватой улыбкой стойко выдерживала все бомбардировки восьмого «бэ».

Джойстик был в сети. Даше хотелось прыгать, кричать от счастья, а не сидеть в душном кабинете информатики, смотря на допотопные пузатые мониторы, стоявшие вдоль стен на точно таких же, допотопных, компьютерных столах.

– Якушева, – над самым ухом внезапно прочирикала Птичка. – Расскажи нам, что такое дискретный сигнал?

Даша неторопливо подняла глаза на учительницу, как бы спросив: какой дискретный сигнал? Вы о чём вообще? Разве это может быть важным, когда Он в сети? Она отложила телефон, который не прятала за учебник или под парту, впрочем, как и все, и спокойно, легко, с внутренней улыбкой ответила:

– Не знаю.

– Два, – с тем же спокойствием пропела информатичка. И эта двойка почему-то показалась Даше легкой и незаметной, как пылинка на серой кофточке.

– Одолжи джинсы, а? – прошептала Светкиной спине Даша, когда вонючка Фомин вышел «намочить тряпочку». Под этим предлогом он всегда уходил курить, и возвращался под конец урока с едва намоченной тряпкой.

– Чё? – вытаращила глаза обернувшаяся Светка.

– Тебе ж всё равно домой идти, пальто у тебя длинное – не заметит никто, что ты без них. Не в рейтузах же этих уродских перед Джойстиком щеголять!

– Офигела, что ли? – надулась подруга. – Я без штанов не пойду!

– Выручай, – взмолилась Даша. – Ну что тебе стоит?

– Да отстань ты! Сама без штанов к нему иди, – точно заметит, – обиделась соседка и отвернулась.

Даша рассматривала фотку Джойстика: он лежал на песке, под пальмой и смотрел на тёмное вечернее небо, – и она как будто была не на уроке информатики, а там, с Ним на курорте, и первый раз в жизни смотрела на пальмы и океан.

– Красивый! – завистливо облизнулась вновь повернувшаяся к ней и уставившаяся в её смарт Светка. – Везёт же тебе! – добавила она, будто Джойстик уже был Дашиным парнем. Светка сидела за третьей партой среднего ряда, а Даша – за четвертой.

«Красивый, – хмыкнула про себя влюблённая девочка. – Красивых много, а он – один. Один! Единственный!» Она больно прикусила нижнюю губу от мысли, что он, её единственный, не знает даже, что она есть, девочка Даша из восьмого «бэ»!

Замечтавшись, Даша и не заметила, как пролетел целый учебный час. Внезапно с остервенением затрещал звонок, она быстро собралась и вышла из класса. Подходя к тридцать седьмому кабинету, Даша вдруг обомлела: у двери стояла лопоухая Каринка, явно дожидаясь факультативного занятия.

– Слушай, – не теряя времени, подошла к Ведьме пришедшая в себя Даша. – Ты сегодня дежуришь в столовке?

– Дежурит, – тут же ответила за Каринку неожиданно появившаяся откуда-то Светка. Ей-то, троечнице, точно были неинтересны дополнительные занятия по русскому, и пришла она то ли из любопытства, то ли за компанию.

– Можно мне сегодня за тебя подежурить? – с легким наездом спросила Даша, увидев насупленные Каринкины брови и осознав, что за уборку грязной посуды еще придётся повоевать.

– Да, можно! – тут же ответила за Ведьму Светка. И весело обратилась к Каринке: – Правда ведь? А?

Темноглазка, сутулая и худая, стояла у стенки, точно прижатая двумя девочками: они окружили её так, что дикарке некуда было бежать. Она исподлобья переводила ненавидящий взгляд с одного лица на другое. Даше стало не по себе, когда она заметила дрожь в Каринкиных руках, – так страшно было бедняжке, – а Светка, обнаружив то же самое, заржала по-лошадиному громко, на весь пустой коридор.

– За тебя работать идут, а ты выкобениваешься! – не выдержала наконец Светка.

– Стоп! – остановила подругу Даша, чувствуя, что не видать ей сегодня Джойстика, как Светке пятерки по русскому за четверть. – Ты прости нас. Мы дуры глупые – наехали сразу, – обратилась она к Ведьме нарочито ласково.

– Ты за себя говори, – обиделась Светка, надув и так пухлые губы. – Я тебе не дура.

– Слушай, а тебе какая музыка нравится? – пыталась подружиться с дикаркой Даша.

– Да чё ты с ней сюсюкаешься? – не унималась кипевшая Светка, бая на весь коридор своим мощным голосом.

Каринка упорно молчала. А Даше захотелось взречь на всю школу, когда она услышала громкий и звонкий стук каблучков Иды Эдуардовны. Такой узнаваемый, что окажись Даша среди толпы цокающих каблучками училок, она бы запросто отличила шаги русички: тяжелые, неравномерные и даже как будто печальные.

За учительницей, то появляясь, то пропадая за крепким и прямым, как дубовая доска, туловищем, шла, дожёвывая пирожок, опоздавшая Яна Качанова. В глазах Иды Эдуардовны Даша прочитала приятное удивление, что факультативом заинтересовалось так много учеников.

– Дежурьте, – сказала вдруг Каринка вслед заходившим в кабинет девочкам и пошла прочь.

На дополнительных занятиях училка не спрашивала, а только объясняла, объясняла, объясняла... А Даша сидела счастливая и даже внимательно слушала, слушала, слушала...

После факультатива подружки, обе в предвкушении чего-то необыкновенного, пошли в столовую. Идя мимо учительской, Даша из любопытства бросила взгляд в чуть приоткрытую дверь. Резко остановилась, огляделась, точно почуявшая рыбу кошка, сунула голову в проем двери и, убедившись, что кабинет пуст, юркнула внутрь. Из учительской она выбежала как ошпаренная и, схватив подругу за руку, бросилась к школьному туалету.

– Ты рехнулась что ли? Гнида тебя убьет! – сокрушалась Светка.

Даша впопыхах снимала сапоги и рейтузы, точно новобранец по команде «боевая тревога». Хитро сложила большущий, красивый, добытый из учительской платок Иды Эдуардовны и обвязала его вокруг талии так, что получилась модная юбочка.

– Хорошо, что капронки одела под рейтузы. С такой юбкой – зашибись смотрится! – разглядывала Дашу Светка. – И цвет у платка крутой! Фиолетовый сейчас в моде! Современно!

– Угу, – соглашалась Даша, хорошенько завязывая концы платка и мысленно исправляя неграмотную подругу: «Не одела, а надела!». Она терпеть не могла, когда говорили неправильно, но, боясь показаться занудой, никогда не исправляла людей вслух. Разве что маму.

– Гнида – модница такая теперь! – продолжала подруга. – Ещё бы! Надо же перед физруком выпендриться.

– Главное, по пути в столовую ей на глаза не попасться, – смотришь в свое карманное зеркальце, говорила Даша. В школьных туалетах зеркал над раковинами не было, как, впрочем, и всего остального, столь нужного ребятам: туалетной бумаги, мыла, бумажных полотенец... Объяснялось это очень просто: разобьют, разбросают, украдут! – А потом

закинем платок обратно. А если закрыто будет, то повесим на ручку – пусть думает, что где-то оставила, а какой-то добрый ученик решил помочь – и принёс.

Девочки торопливо зашагали по пустому коридору, смеясь на всю школу.

– Вот он! – заходя в столовку, шепнула в самое Дашино ухо Светка, указывая пальцем на длинноволосого, стройного бас-гитариста, задумчиво бринькающего по струнам в углу сцены.

Столовая была по совместительству ещё и актовым залом. В конце большого помещения располагалась сцена, на которой увлечённо расставляли, настраивали инструменты школьные музыканты.

– Вона сколько работы вам, – грузно ответила на вопросительные взгляды подбежавших к ней девочек-дежурных повариха, круглая и маленькая, как колобок.

Даша убирала грязную посуду с длинных столов, то и дело восхищенно поглядывая на Джойстика, и вдруг произнесла про себя его настоящее имя. Нет, не то чтобы она никогда до этого не называла его по имени, а сейчас назвала. Даша повторяла его про себя много раз, но сегодня, смотря на своего героя, она внезапно осознала: «Это самое красивое и подходящее имя, не то, что Джойстик какой-то, – и еще раз с нежностью повторила: – Максим...» Джойстиком он стал недавно, для конспирации. Светка пристала: кто да кто? Даша сдалась, – так ей хотелось с кем-нибудь своими переживаниями поделиться, не маме же рассказывать, в самом деле! А чтобы никто другой не подслушал, не узнал тайны, Светка предложила как-нибудь назвать объект Дашиного обожания. Придумывала, вертелась в поисках подсказки, и наконец, выдала:

– Пульт.

– Какой пульт? – возмутилась Даша.

– Да самый обыкновенный. Вон, такой, что на училкином столе лежит, от проектора.

– Тогда уж Джойстик, – подумав, предложила Даша. – Это всё-таки лучше, чем пульт какой-то.

Музыканты зажужжали электрогитарами, загремела музыка, а Даша слушала и пыталась уловить, поймать, схватить его взгляд, но гитарист смотрел то себе под ноги, закрываясь ото всех длинными волосами, то куда-то вверх, только не на неё. И лишь в конце песни, когда её душу уже безжалостно скребли кошки, посмотрел! Быстро, вскользь, но этого хватило, чтобы тарелка выпала из Дашиных рук и разлетелась на мелкие кусочки по деревянному полу.

– Всё! Заканчиваем! – попыталась перекричать гитары Колобок, обращаясь к музыкантам. – Мне что тут с вами, до ночи сидеть?

– Идем-идем, – примирительно крикнул в ответ худощавый вокалист с длинным, как у дятла, носом и острым кадыком. Гроыхание барабанов и шум перегруженных электрогитар сменились оживленным разговором, прерываемым гортанным смехом парней.

Девчонки собрали осколки и, пока не заметила повариха, кинули за батарею под окном. Максим прошёл мимо Даши, больше не подарив ей даже мимолётного взгляда. А влюблённая школьница жадно вдыхала аромат самого необыкновенного парфюма на свете, оставшегося витать в воздухе. Подружки забрали из пустого гардероба свои одиноко висевшие куртки и поплелись домой: каждая в свою сторону.

Даша пришла на автобусную остановку и, счастливая от встречи с Джойстиком, увлеченно разглядывала тянущиеся вдоль тротуара уличные фонари. Из светильников, казалось, текла вода – мелкие иголочки снега празднично блестели в лучах, словно кто-то забыл выключить душ. Обычно она ходила домой пешком, – идти недалеко, всего одну остановку. Но сегодня хотелось прокатиться, тем более что всех водителей проходящих здесь маршруток она знала лично, – кто сосед, кто просто из этого района, а один даже родственник, мамин троюродный брат дядя Женья, – поэтому из школы до дома ее всегда везли бесплатно. Вокруг было тихо и пустынно, лишь изредка ревели моторами пронесившиеся мимо обледеневшие автомобили. В декабрьской вечерней темноте заснеженные деревья стояли точно невесты в белых кружевных платьях и шляпках с вуалями. «Как в сказке», – подумала Даша, и сердце её наполнилось чистой, светлой радостью.

Так поздно Даша возвращалась домой только в среду, когда после школы шла в Дом творчества на кружок «Плетение из бисера». Она переступала с ноги на ногу от холода: модные осенние сапожки на каблуках не грели. Свои старые зимние ботинки, огромные и некрасивые, как чугунные утюги, Даша носить не хотела. От старого поношенного пакета с учебниками онемели пальцы – таким тяжёлым он был. А вместо удобного школьного рюкзака на плече болталась раздутая от количества тетрадей женская сумочка. Почти все девочки в классе ходили с сумочками, будто зашли в школу случайно, по пути в магазин. Это выглядело так по-взрослому, что Даше захотелось быть такой же...

У обочины со скрежетом остановилась белая «девятка». Ее динамики надрывно кашляли, хрипели и плевались громкой музыкой. Переднее тонированное стекло опустилось, и из окна высунулось худое, с вызывающей, наглой улыбкой лицо.

– Девушка, подвезти? – протянул мужчина, ощупывая глазами Дашу.

Даша гордо, как оскорблённая дама, слегка отвела голову. Было так приятно услышать это «девушка», хотя сердце тут же заколотилось от испуга: сколько историй про маньяков она слышала!

– Садись, давай! Не кобенься! – высунулась вторая голова, жирная и круглая, как жареный блин.

– Нет, – нашла в себе силы ответить Даша. Голос звучал сжато, хрипло и неуверенно, как слабый сигнал в радиоприёмнике.

Головы молчали и причмокивали губами, словно пробовали ее короткий ответ на вкус. Но внезапно дверца «девятки» открылась, и Даша, как заметивший собаку кролик, пустилась со всех ног наутёк. Тонкие высокие каблочки предательски впивались в мягкую корку снега на тротуаре, коварно подгибались, от чего Даша еле удерживалась на ногах. «Может, спрятаться в чужом подъезде? – метались в голове, словно перепуганные птицы, мысли. – Людей, как назло, – никого!»

Наконец она остановилась, поняв, что никто за ней не бежит. Было тихо. Все так же медленно сыпались колкие мелкие снежинки. Уличные фонари горели мягким тёплым светом. По-прежнему блестели деревья, но уже не так празднично, а печально, будто слезами. Она вспомнила мимолетный взгляд Максима и вдруг ясно осознала, что смотрел он на неё не как на девушку, а как на ребёнка, наивную восьмиклашку. Наверное, и выглядит она со стороны в сапогах на каблуках, как дитё в маминых туфлях? Внезапно Даше захотелось швырнуть сумочку в сугроб: может, это из-за неё она попала в такую ситуацию?! Она побрела домой пешком, сжавшись от стыда, как мяч, из которого выкачали воздух. По щекам текли крупные слезы, чистые и светлые, как уходящее детство.

Подходя к дому, Даша по привычке искала окна своей квартиры, смотрела, в каких комнатах горит свет, предполагая, что в это время делает мама. «Готовит? – догадывалась девочка. – Наверное, волнуется, что я опаздываю».

– Какие оценки? Что так поздно? – с порога начала выпрашивать Маргарита Андреевна.

Да какая, к черту, разница, какие оценки, если Джойстик был сегодня так близко! Зачем вообще спрашивать сейчас об оценках, если жизнь потеряла смысл, потому что Джойстик – старшеклассник, самый красивый парень в школе, а она – жалкая восьмиклашка, ребёнок, дитё неразумное! Дочь опустила на пуфик в прихожей и, не ответив ничего, со злостью принялась расстегивать сапоги.

– Ты двойку получила что ли, в самом деле? – с недоумением спрашивала мать, пытаясь найти объяснение странному поведению дочери.

– Да, – с некоторым вызовом призналась Даша.

– По какому? – подбоченившись, строго спросила Маргарита Андреевна. От этого «руки в боки» Даше вдруг захотелось крикнуть: «По всем!» Дочь живая вернулась, а ей всё равно – лишь бы без двоек!

– По информатике, – открыто заявила девочка, веселясь и с явным вызовом смотря матери в глаза.